

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-466-478

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Как перевести Достоевского с французского на французский? “L’homme de la nature et de la vérité” и “animaux domestiques” в «Записках из подполья»

Е.Д. Гальцова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская Федерация, Москва, 121060, ул. Поварская 25а*

✉ newlen2006@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются случаи использования французских выражений в тексте «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского. С одной стороны, выявляются различные смысловые нюансы двуязычия, ассоциации с культурными контекстами; с другой – проводится анализ переводов и комментариев этих случаев со стороны французских переводчиков (1886–2008). Если в случае с “L’homme de la nature et de la vérité” французский текст является цитатой, отсылающей к культурным контекстам и в конечном счете свидетельствующей о невозможности перевода «французского характера» в русскую культуру, то “aux animaux domestiques” продолжают эту линию «непереводимости», доводя ее до абсурда. Абсолютно банальные слова, абсолютно «переводимые» оказываются как раз самыми непереводимыми, а вместе с ними и весь текст на русском языке.

Ключевые слова: «Записки из подполья», двуязычие, переводы на французский язык

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому гранту РФФИ № 18-012-90044 Достоевский «„Записки из подполья“ Ф.М. Достоевского и проблема „подпольного человека“ в культуре Европы и Америки конца XIX – начала XXI вв.».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

История статьи: дата поступления в редакцию – 4 марта 2021 г., дата принятия к печати – 30 апреля 2021 г.

Для цитирования: Гальцова Е.Д. Как перевести Достоевского с французского на французский? “L’homme de la nature et de la vérité” и “animaux domestiques” в «Записках из подполья» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 366–478. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-466-478.

How to Translate Dostoevsky from French into French? “L’homme de la nature et de la vérité” and “animaux domestiques” in *Notes from Underground*

Elena D. Galtsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*
✉ newlen2006@mail.ru

Abstract. The article deals with the use of French expressions in the text of F. Dostoevsky’s *Notes from Underground*. On the one hand, various semantic nuances of bilingualism and associations with some cultural contexts are revealed. On the other hand, translations and explanations of these expressions given by translators of the novella are analyzed. While “l’homme de la nature et de la vérité” is a citation which shows that it is impossible to render “French character” into Russian culture, “aux animaux domestiques” carries this idea to the point of absurdity.

Keywords: *Notes from Underground*, bilingualism, French translations

Acknowledgements and Funding. The article was written as part of research grant project RFBR № 18-012-90044 Dostoevsky “*Notes from Underground* by F.M. Dostoevsky and the problem of ‘underground man’ in the culture of Europe and America of late XIX – early XXI centuries”.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received: March 4, 2021; accepted: April 30, 2021.

For citation: Galtsova, E.D. (2021). How to translate Dostoevsky from French into French? “L’homme de la nature et de la vérité” and “animaux domestiques” in *Notes from Underground*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3). (In Russ.) 366–478. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-466-478

О функциях французского языка в творчестве Ф.М. Достоевского было уже написано немало работ, и это совершенно естественно, ибо использование французских слов и выражений на языке оригинала, галлицизмов, неологизмов, основанных на французском языке и т.д., является одним их излюбленных приемов в произведениях русского писателя. Для многих русских писателей XIX в. французский язык традиционно был неотъемлемой частью образования, и, несмотря на меняющуюся политическую конъюнктуру, французская культура оставалась для России в это время одним из центров притяжения. Напомним, что одним из факторов формирования Достоевского-писателя был перевод «Евгении Гранде» О. де Бальзака (1843). В 1840-е гг. Достоевский был увлечен Францией, однако недолго. Его мировоззрение существенно меняется после ареста и каторги, и тогда французские язык, философия и культура оказываются наиболее распространенным «предлогом» для критики западной мысли в целом. Об этом свидетельству-

ет, например, произведение «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), которое можно считать одним из непосредственных предшественников «Записок из подполья» (1864). И, разумеется, наиболее острым и даже в какой-то степени «личным» объектом полемики оказываются социальные учения, в особенности те, с которыми был непосредственно связан М.В. Петрашевский, большой пропагандист теорий и практик социалиста-утописта Шарля Фурье. В этом смысле стоит напомнить о «лингвистическом» факте: в 1845–1846 гг. Петрашевский редактирует «Карманный словарь иностранных слов», вошедших в состав русского языка, что несомненно было западничеством жестом. Достоевский должен был знать об этом словаре, а его критика, в том числе и французской культуры в «Записках из подполья», прямо или косвенно может быть с ним связана. С другой стороны, среди многочисленных размышлений Достоевского об иностранных словах отметим значительно более позднее – высказывание о «переводе» князя Мышкина, который, казалось бы, очень наивно рассуждает о графическом начертании слов и в том числе произносит слово «характер», относящееся одновременно и к каллиграфии, и к антропологии:

«– Вот это, – разъясняя князь с чрезвычайным удовольствием и одушевлением, – это собственная подпись игумена Пафнутия со снимка четырнадцатого столетия <...> Потом я вот тут написал другим шрифтом: это круглый, крупный французский шрифт, прошлого столетия, иные буквы даже иначе писались, шрифт площадной, шрифт публичных писцов, заимствованный с их образчиков (у меня был один), – согласитесь сами, что он не без достоинств. Взгляните на эти круглые да. Я перевел французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно» [1. С. 32].

За разговором о каллиграфии, разумеется, стоит и разговор о литературном письме вообще, тем более что в конце генерал Епанчин называет Мышкина не просто каллиграфом, но «артистом». К этому можно лишь добавить, что слово «перевод» вряд ли используется здесь Достоевским в каком-то одном значении, и выражение «я перевел французский характер в русские буквы» вбирает в себя и лингвистику, и размышление о разных культурах (французский «характер» – это и шрифт, и особенности французской души, как можно было бы сказать в XIX в., или менталитета, как говорили в более современные нам эпохи). В этом контексте, разумеется, интригующе выглядят иностранные слова, которые Достоевский оставляет как таковые в русском тексте – то есть слова/«характеры» не переведенные. И, конечно же, достигаемый им эффект труднопереводим на те языки, на каких написаны подобные слова и выражения.

Напомним, что с 1886 по 2008 год во Франции было сделано более десятка разных переводов, не считая исправленных переизданий. Перечислим некоторые из них.

Самый первый перевод повести на иностранный язык вышел именно во Франции под названием «Подпольный [буквально – подземный] дух» (*L'Esprit souterrain*) [2], его авторами были Илья Гальперин-Каминский и

Шарль Морис, и эта книга выходит в 1886 г. одновременно с книгой Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман», установившей не просто «моду» на русскую культуру, но и пробудившей интерес к русской литературе как источнику вдохновения для французской (а затем и мировой) культуры. Несмотря на очевидные несоответствия оригиналу (авторы этого перевода-«адаптации» объединяют повести «Хозяйка» и «Записки из подполья», где повествователь получает имя – Ордынов, пропускают довольно большую часть рассуждений из части «Подполье», зачастую дают вольный пересказ событий и т.д.), эта книга имела большой успех, была переведена на несколько европейских языков (как минимум на нидерландский, итальянский, испанский, причем переводилось как первое издание 1886 года, так и второе 1929 года – исправленное и дополненное [3]) и переиздавалась в разных видах с 1929 года, в том числе с указанием только одного переводчика – Гальперина-Каминского, вплоть до наших дней.

Второй перевод был сделан Владимиром Бинштоком в 1909 году под названием «Подполье» (*Le Sous-sol*) [4], он отличался большей степенью соответствия с оригиналом и имел существенное влияние на читателей 1910–1920-х годов. Тем не менее именно этот перевод подвергался особенной критике за неточности, что, на наш взгляд, было преувеличением: в нем было немало находок, актуальных до сих пор; ценна также относительная приближенность Бинштока к российским реалиям XIX века. В 1926 году вышел первый перевод Бориса Шлёцера под названием «Подпольный [буквально – подземный] голос» (*La Voix souterraine*) [5], сделанный в период его сотрудничества с Львом Шестовым, произведения которого он переводил именно в это время на французский язык. Впоследствии Шлёцер переделал свой перевод для публикации в научном издании произведений Ф.М. Достоевского в серии «Плеяда» (изд-во “Gallimard”, 1956), где он вышел под названием «Подполье» (*Le Sous-sol*); этот текст неоднократно переиздается, и в 1995 году вышло двуязычное издание под названием, более соответствующим русскому (*Carnets du sous-sol*)¹.

В том же году выходят «Мемуары, написанные в подполье [буквально – в подземелье]» (*Mémoires écrites dans un souterrain*) [6] с именами переводчиков Анри Монго и Марк Лаваль, многократно переиздававшиеся впоследствии в издательстве “Gallimard”. В 1934 году Монго один публикует в том же издательстве в рамках 15-томного собрания сочинений Достоевского (1931–1934) «Из глубин подполья [буквально – подземелья]» (*Du fond du souterrain*) [7]. «В моем подполье [буквально – подземелье]» (*Dans mon souterrain*) [8] – так назвал свой перевод Марк Семенов в 1948 г.: он был неоднократно переиздан, в том числе и в томе 5 семнадцатитомного Собрания литературных произведений, выходявшего в 1959–1961 годах в Лозанне (изд-во “Rencontres”) и в других изданиях, в том числе и без указания его имени. В 1967 году в издательстве “Baudelaire” выходит перевод-популяр-

¹ Мы цитируем этот перевод по книге 2011 г. [11].

ризация «Подполье [буквально – подземелье]» (*Le Souterrain*) без подписи переводчика [9]. В 1972 году публикуется первое двуязычное издание, отличающееся большой точностью перевода для которого сделала Лили Дени (*Notes d'un souterrain*)². В 1992 году Андре Маркович, предпринявший новый перевод полного собрания сочинений Достоевского, печатает свою версию (*Les Carnets du sous-sol*), в которой стремится показать «неприглаженного» Достоевского³. В 2008 году выходит перевод Сильви Оулетт (*Carnets du sous-sol*) [10], предназначенный для программы французских лицеев: переводчица стремилась к буквальной точности, а также создала учебный аппарат для французских старшекласников. По-прежнему актуальным для обучения русскому языку остается перевод Шлёцера, напечатанный в форме билингвы в 1995 году под названием *Carnets du sous-sol* и переизданный в 2011 году [11].

Мы рассмотрим два существенных, на наш взгляд, примера использования французских слов в тексте и проблем с передачей эффекта их функционирования в русскоязычном контексте в переводе на французский язык. Эти случаи непереводимости, как нам представляется, достойны внимания, ибо за кажущейся простотой, здесь скрыт довольно глубокий подтекст.

В третьей главе первой части «Подполье» персонаж Достоевского рассуждает о человеке через призму образов символических животных – «бык», «мышь» и пространств – «стена», «подполье». Причем если человек-бык вполне определим – это «нормальный человек», вышедший «из лона природы», то человек-мышь – как бы и не человек вовсе, ибо он вышел «из реторты», и слово «мышь» может поначалу показаться оценочным, однако Достоевскому удается выстроить размышление своего персонажа так, что эта «мышь» оказывается не просто «усиленно сознающая» и сопоставляющая себя с человеком, обозначенным выражением на французском языке “l’homme de la nature et de la vérité” (буквальный перевод: «человек природы и истины»), которое впервые появляется в творчестве Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и которое комментаторы ассоциируют с рассуждениями из «Исповеди» Руссо⁴. Приведем здесь этот пассаж:

«И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезой, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно... и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь; его

² Мы цитируем этот перевод по переизданию 2014 года, сделанного без русского текста [12].

³ Мы цитируем этот перевод по изданию 2017 года [13].

⁴ См. примечания к 35-томному изданию [14. С. 479–532]. О жанровом своеобразии «Записок из подполья см. монографию А.Б. Криницына [16].

об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в *l'homme de la nature et de la vérité*. Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в *l'homme de la nature et de la vérité*, потому что *l'homme de la nature et de la vérité*, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышь, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость» [14. С. 116–117].

Отсылка к Руссо была очевидна еще в выражении «из лона природы», а французское выражение лишь подтверждает это, причем в очень ироничном контексте, где с ученой цитатой соседствует ничтожная «мышь». Несмотря на некоторую самоочевидность, это выражение не является точной цитатой из «Исповеди» Руссо, где присутствует немного другое выражение: “Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de sa nature” [15. P. 1], (букв. «Я хочу продемонстрировать себе подобным человека во всей истинности его природы»). То выражение, что приводит на французском языке Достоевский, написано на гробнице Руссо в парижском Пантеоне: “Ici repose l'homme de la nature et de la vérité”. Достоевский мог видеть эту эпитафию во время своих путешествий в Париж в 1862 или 1863 годах, как раз в то время, когда у него самого зарождался замысел большого произведения «Исповедь», которое так и не было написано, но на основании которого были созданы «Записки из подполья». Тот факт, что французское выражение ассоциируется с эпитафией, свидетельствует и о непреходящей вечности, и о брэнности философии Руссо в представлении Достоевского. Вместе с тем отметим очевидную ассоциацию с «естественным человеком» (“*l'homme naturel*”) – одним из основополагающих концептов Руссо.

В той же главе «Записок из подполья» Достоевский намеренно смешивает «природное» и «искусственное»: «мышь» ассоциируется с «ретортным человеком», а противопоставленный ей «бык» тоже кажется далеким от «естественности», он, скорее, предстает как часть некоей аллегории (бык и стена).

Ассоциация с Руссо продолжается в рассуждениях о Гейне, которые, с одной стороны, усиливают ассоциацию с «Исповедью», а с другой – опровергают слово «истинность» как применительно к его «Исповеди», так и в выражении “*l'homme de la nature et de la vérité*”. Напомним эти слова:

«Замечу кстати: Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия. <...> Но Гейне судил о человеке, исповедовавшемся перед публикой. Я же пишу для одного себя и раз навсегда объявляю, что если я и пишу как бы обращаясь к читателям, то единственно только для показу, потому что так мне легче писать. Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет. Я уже объявил это...

Я ничем не хочу стесняться в редакции моих записок. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу» [14. С. 137].

Получается, что «Исповедь» – это не исповедь, а “l’homme de la nature et de la vérité” лишен истинности... Если вернуться к эпитафии – наследие Руссо оказывается не в «вечности», а оно навсегда погибло, утратило истинность.

Выражение на французском языке, связанное с Руссо, – не просто один из многочисленных элементов суровой критики идеалов Просвещения со стороны подпольного человека, но и часть рефлексии о собственном способе письма и жанре. С одной стороны, французское выражение дано как неперебиваемое, иронический эффект по контрасту с примитивными (хотя и символическими) животными, в частности с мышью; с другой стороны, эта неперебиваемость, по всей вероятности, намекает на невозможность применения этого понятия в русском языке. Для переводчика на французский практически невозможно сохранить многосмысленность и ироничность этого двуязычия. Стараясь хотя бы как-то отметить наличие странности в этой части текста, переводчики пишут эти слова курсивом (во французской традиции курсив может служить аналогом кавычек), подчеркивая тем самым, что это цитата (чужой текст), и в некоторых случаях сопровождая сноской со словами «по-французски в тексте» (см., например: [2. Р. 167; 12. Р. 51; 7. Р. 20]). Другим способом являются объясняющие сноски, из которых приведем наиболее адекватную, принадлежащую Лили Дени: «...по-французски в тексте – сжатая цитата из „Исповеди“ Руссо» (и далее дана уже приведенная нами полная цитата) [12. С. 179]. Однако более пространственных комментариев эти слова во французских переводах не получают. С другой стороны, ассоциации с творчеством Руссо могут быть усилены в переводе пассажа о Гейне: не все, но некоторые переводчики переводят «исповедь» как название произведения Руссо, которое в оригинале имеет множественное число и пишется с заглавной буквы – *Les Confessions*, как, например, в переводе Шлёцера, признанном на данный момент «каноническим» [5. Р. 117]. Возможно, автор перевода стремился «компенсировать» невозможность передачи эффекта от цитаты, данной в русском тексте по-французски.

Будучи эпитафией, анализируемое французское выражение связано в повести с целой серией образов, касающихся темы смерти, апофеоз которой можно наблюдать в упоминании о гробе в разговоре подпольного с Лизой, если рассматривать простейший тематический уровень. Во французских переводах эта тема оказывается как раз более явно выражена, чем в оригинале, и в какой-то степени можно увидеть в этом компенсацию неперебиваемости с французского на французский. В этом смысле очень интересен самый первый перевод 1886 года, где само прилагательное «подпольный» переводится как «подземный» (“souterrain”), а «мышь» – как «крыса» (“un rat”), причем в обоих случаях речь идет о совершенно осознанном выборе Гальперина-Каминского и Мориса. Любопытно, что при переводах этого

перевода на другие языки, а также при переизданиях «крыса» принципиально «оставалась» в тексте, ибо она казалась образом, более соответствующим представлению о творчестве Достоевского в целом. Тем не менее почти во всех остальных французских переводах все же остается «мышь» – “souris”. Исключение составляет перевод Шлёцера, считающийся на данный момент «каноническим», где предлагается слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом – “souriceau”, что свидетельствует о намерении переводчика продемонстрировать многообразие образов, связанных с «мышью» в творчестве Достоевского, что выразилось, например, в фамилии князя Мышкина. Однако тем самым Шлёцер чрезмерно «пригладил» образ злобствующего животного в «Записках из подполья» [11, 31-33].

Более продуктивным, как нам представляется, оказывается находка слово «подземный» в переводе названия. Хотя оно не было самым «точным», но явно содержало некую суггестивность и потом неоднократно использовалось в переводах названия Лавалья и Монго [6; 7], Семеновф [8], Дени [12], а также неизвестного переводчика [9]. Другой вариант перевода «подполья» как “sous-sol”, впервые возникший в переводе Бинштока [4], был раскритикован Гальпериным-Каминским как слишком буквальный, ассоциирующийся с подвалом или подполом, в то время как свой вариант («Подпольный/подземный дух») он считал более соответствующим замыслу Достоевского [см. предисловие к 3.]. Разумеется, “souterrain” – более поэтическое, даже в некоторой степени мистическое название, оно также в большей степени, чем “sous-sol”, может быть использовано и как психологическая метафора, и как ассоциация с «землей» (“terre”), очень важной для первоначальной рецепции творчества Достоевского, в которой было много элементов французского «почвенничества», о чем свидетельствовала, прежде всего, уже упомянутая книга де Вогюэ «Русский роман». В современных переводах господствует, скорее, перевод “sous-sol”, признанный более точным. При этом в тексте повести переводчики используют оба слова – и “souterrain”, и “sous-sol”.

Иронический эффект от цитаты “l’homme de la nature et de la vérité” усиливается контекстом: ученая цитата, усиленная еще и гегелевской ассоциацией (слова «антитез», «антитеза»), соседствует с пародийно аллегорическими животными – быком и мышью. Будучи частью философской традиции, ассоциированной в данном контексте с Руссо, “l’homme de la nature et de la vérité” оказывается не чем иным, как причудливым «конструктом». И в этом смысле он еще более ненадежный конструкт, чем человек «из реторты», или «ретортный человек». Некоторые переводчики подошли к переводу «ретортного человека» довольно радикально, очевидно обратив внимание на слово «мистицизм» и во многих случаях решившись ассоциировать этот образ с гомункулом из гётевского «Фауста». Так поступили Гальперин-Каминский и Морис, переведя «ретортного человека» латинским словом “homunculus”, а для «реторты» использовали нейтральное французское сло-

во “cognue” [2. P. 167–168]. Эта ассоциация, выраженная в переводе французским словом “l’homoncule”, присутствует и в самом позднем по времени создания переводе Оулетт, которая сопроводила это место примечанием по поводу «реторты» (“l’alambic”): «аппарат сложной формы, предназначенный для дистилляции (ср. с гомункулом, созданным Фаустом)» [10. P. 25].

Еще одно французское выражение также остается сложной задачей для французских переводчиков. Это рассуждение о “animaux domestiques”, которое является совершенно банальным французским словосочетанием, означающим «домашние животные». В большинстве французских переводов это выражение никак не маркируется или, в лучшем случае, дается курсивом и сопровождается сноской о том, что оно было в тексте Достоевского на французском языке. Это выражение проходит для переводчиков почти незамеченным.

Напомним этот пассаж и обратим внимание на то, что Достоевский органично вписывает французские слова в русский текст, используя слитный предлог “aux”, то есть как бы стирая грань между русским и французским:

«Почем вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит созидать его, а не жить в нем, предоставляя его потом aux animaux domestiques, как-то муравьям, баранам и проч., и проч. Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки нерушимое, – муравейник» [14. С. 132].

Почему муравьи называются «домашними животными»? Бараны еще могут быть «домашними» в противоположность «диким», но с муравьями ситуация совершенно другая. Да и не «животное» муравей, а насекомое, и слово это Достоевский использует в повести, но не по поводу муравьев. В связи с этим отметим, что в самом первом издании интересующее нас выражение было переведено как “bêtes familières” [2. P. 186], то есть «домашние/родные твари», что сглаживало в некоторой степени парадокс с муравьем, которого с трудом можно назвать “animal” – «животным».

Разумеется, как и в случае с мышью, речь идет об аллегории, связанной с человеком. Если мышь сопоставляется с единичным «ретортным человеком», то муравьи – это не одинокие искусственные люди, но те, кто создает «здания» – муравейники, и в ближайшем контексте повести совершенно очевидно, что упоминание о муравьях ассоциируется с идеей утопии, воплощенной в образе «хрустального дворца», который, в свою очередь, отсылает и к «Что делать?» («Четвертый сон Веры Павловны») Чернышевского, и к фаланстерам Фурье и Петрашевского... С другой стороны, «хрустальный дворец» противопоставлен «курятнику» – реальности по преимуществу, причем реальности, вполне буквально сопоставимой с человеком, который может жить в курятнике, в отличие от муравейника. Упоминание о баранах как стадных животных лишь дополняет иронический контекст, причем совершенно очевидно, что Достоевский имеет в виду здесь идиоматические значе-

ния, связанные со словом «баран» в русском языке, а не образ самого животного, который обладает глубокими символическими смыслами в христианской культуре. Вместе с тем индивидуализм еще одного «животного» – уже не раз упоминавшейся мыши – также связан с архитектурной метафорой – «подпольем», трактовка которого в повести не менее критическая, чем трактовка «хрустального дворца». Однако можно задаться вопросом, а является ли мышь «домашним животным» в этом контексте.

Понятие “animal” (как «животное»), вероятно, всё же не стоит игнорировать полностью. Будучи социальной организацией, “animaux domestiques” связаны и с другим – анти-дарвиновским, контекстом, о чем свидетельствуют слова из третьей главы первой части: «Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть» [14. С. 118]. Французская переводчица Дени, отметившая курсивом “animaux domestiques”, комментирует этот пассаж, отмечая, что в 1864 году вышел первый русский перевод «О происхождении видов путем естественного отбора» Дарвина, вызвавший широкий резонанс [12. С. 179]. Неслучайно сомнительные приятели подпольного ассоциируются с животными – у Ферфичкина «обезьянье лицо», у другого знакомого говорящая фамилия «Зверков» и т.д.

Если вернуться к Фурье, то остается только догадываться, читал ли Достоевский его книгу «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808) [17], где есть рассуждения об идеальном сообществе пчел, в противоположность осам, а также об «анти-жирафе»... Прекрасно организованные пчелы могут вполне коррелировать с муравьями. А приставка «анти-», отсылающая к Гегелю и оказывающаяся одной из самохарактеристик подпольного как «антигероя», вероятно, ассоциировалась и с этим текстом Фурье. Животные в упомянутой книге Фурье рассматривались как «иероглифы», и можно предположить, что “animaux domestiques” задумывались как своего рода иероглиф – изображение и буква одновременно, в которых зашифровано нечто. Отчасти эту гипотезу можно подтвердить наличием откровенного иероглифа у Достоевского – это «ферт», особенно в контексте «Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется» [14. С. 133], где «ферт» и буква, и человек, и абстрактное понятие.

В более широком контексте всей повести “animaux domestiques” ассоциируются с разными и, казалось бы, противоположными по значению образами «дома», которые оказываются все – в той или иной мере – весьма сомнительными: дом как жалкий «угол», где проживает подпольный, «капитальный дом», «сумасшедший дом», «дурной дом», «отцовский дом», «семейный дом», «дом мой» из стихотворения Некрасова. Более того, звучание «дом» есть в самом французском слове “domestique”. В большинстве французских переводов же возникает неправильная ассоциация при обозначении функции слуги подпольного – Аполлона, ибо по-французски часто встречается перевод «слуги» как “domestique”, то есть буквально «домашний слуга». В этом случае речь идет в большей степени об особенностях француз-

ского языка (и другие слова, например “servant”, тоже дают некорректную ассоциацию с “serf” – «крепостным»), для которого это слово наиболее употребительно и совершенно нейтрально, однако его форма создает не совсем корректную ассоциацию в контексте образотворчества в рассматриваемой повести, где образ «дома» в высшей степени многозначен и служит для обозначения принципиальной бесприютности подпольного как с точки зрения любого социума (и общественного, и дружеского, и семейного), так и с точки зрения его нарочитого эгоизма и его собственного внутреннего мира.

Выражение “animaux domestiques” абсолютно непереводаемо, потому что оно не говорит ни о «животных», ни о «доме». Его «иностранность» в очередной раз свидетельствует о полемике с Фурье, но еще важнее, что это «конструкт» и он подвергается критике как совершенно не соответствующий «живой жизни» – понятию тоже иллюзорному, но все же как-то обозначающему не окончательно негативные устремления подпольного. В какой-то степени можно сказать, что это французское выражение перегружено противоположными значениями, оно слишком много значит, чтобы не быть абсурдным, оно возможно соответствует следующим темам, возникающим в рассуждении подпольного из двух заключительных глав первой части: «хотеть бессмыслицы», «одна пустая форма».

Если в случае с “l’homme de la nature et de la vérité” французский текст является цитатой, отсылающей к культурным контекстам и в конечном счете свидетельствующей о невозможности перевода «французского характера», по выражению князя Мышкина, в русскую культуру, то “aux animaux domestiques” продолжают эту линию «непереводимости», доводя ее до абсурда. Абсолютно банальные слова, абсолютно «переводимые» оказываются как раз самыми непереводаемыми, а вместе с ними и весь текст на русском языке, в который они вписаны с соблюдением соответствующего падежа (выраженного во французском при помощи предложного конструкции). Казалось бы, совершенно проходящее «невинное» выражение на французском языке ломает не только формальный, но и смысловой строй многоречивых рассуждений подпольного, обнажая их напрасность и пустоту. Изучение французских переводов повести заставляет задуматься над подобными художественными эффектами, возникающими из сложнейших лингвистических и идеологических отношений Ф.М. Достоевского к французской культуре.

Библиографический список

- [1] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 8. СПб.: Наука, 2013–2019. Т. 8. Идиот. СПб.: Наука, 2019. 565 с.
- [2] *Dostoïevski F. (Th.) L’Esprit souterrain.* Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886. 298 p.
- [3] *Dostoïevski F. (Th.) L’Esprit souterrain.* Adaptation revue et précédé d’une préface de E. Halpérine-Kaminsky. Paris: Plon, 1929. 258 p.
- [4] *Dostoïevski F. Le Sous-sol.* Trad. J.W. Bientstock. Paris: Charpentier, 1909. 317 p.
- [5] *Dostoïevski F. La voix souterraine.* Trad. B. de Schloezer. Paris: Stock, 1926. 233 p.

- [6] *Dostoïevski F. Mémoires écrits dans un souterrain. Trad. H. Mongault et M. Laval. Bordeaux: Cadoret – Paris : Bossard, 1926. 145 p.*
- [7] *Dostoïevski F. Oeuvres complètes. Nouvelles. 1862–1865. Une fâcheuse histoire. Notes d’hiver sur des impressions d’été. Du fond du souterrain. Le Crocodile 1862–1865. Trad. H. Mongault et L. Desormonts. Paris: Gallimard, 1934. 360 p.*
- [8] *Dostoïevski F. Dans mon souterrain. Trad. M. Semenov. Paris: Nouvelles éditions latines, 1948. 260 p.*
- [9] *Dostoïevski F. Le Souterrain. Le Joueur. Les Nuits blanches. Paris: Ed. Baudelaire, 1967. 563 p.*
- [10] *Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, série Lycée, Classiques et contemporains, 2008. 216 p.*
- [11] *Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. B. de Schlœzer. Paris: Gallimard, Folio Bilingue, 2011. 380 p.*
- [12] *Dostoïevski F. Notes d’un souterrain. Trad. L. Denis. Paris: Flammarion, 2014. 1992 (première édition, Paris, Aubier, 1972). 191 p.*
- [13] *Dostoïevski F. Les Carnets du sous-sol. Trad. A. Markowicz. Arles: Actes Sud, 2017. (première édition 1992). 184 p.*
- [14] *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013–2019. Т. 5. 2016. 632 с.*
- [15] *Rousseau J.-J. Les Confessions. Première Partie. Genève, 1782. 252 с.*
- [16] *Креницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 371 с.*
- [17] *Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М.: Циолковский 2017. 396 с.*

References

- [1] Dostoevsky, F.M. (2019). *Complete works and letters*. (Vol. 8). Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)
- [2] Dostoïevski, F. (Th.) (1886). *L’Esprit souterrain*. Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon. (In French.)
- [3] Dostoïevski, F. (Th.) (1929). *L’Esprit souterrain*. Adaptation revue et précédé d’une préface de E. Halpérine-Kaminsky. Paris: Plon. (In French.)
- [4] Dostoïevski, F. (1909). *Le Sous-sol*. Trad. J.W. Bientstock. Paris: Charpentier. (In French.)
- [5] Dostoïevski, F. (1926). *La voix souterraine*. Trad. B. de Schloezer. Paris: Stock. (In French.)
- [6] Dostoïevski, F. (1926). *Mémoires écrits dans un souterrain*. Trad. H. Mongault et M. Laval. Bordeaux, Cadoret – Paris: Bossard. (In French.)
- [7] Dostoïevski, F. (1934). *Oeuvres complètes. Nouvelles. 1862–1865. Une fâcheuse histoire. Notes d’hiver sur des impressions d’été. Du fond du souterrain. Le Crocodile 1862–1865*. Trad. H. Mongault et L. Desormonts. Paris: Gallimard. (In French.)
- [8] Dostoïevski, F. (1948). *Dans mon souterrain*. Trad. M. Semenov. Paris: Nouvelles éditions latines. (In French.)
- [9] Dostoïevski, F. (1967). *Le Souterrain. Le Joueur. Les Nuits blanches*. Paris: Ed. Baudelaire. (In French.)
- [10] Dostoïevski, F. (2008). *Carnets du sous-sol*. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, série Lycée, Classiques et contemporains. (In French.)
- [11] Dostoïevski, F. (2011). *Carnets du sous-sol*. Trad. B. de Schlœzer. Paris: Gallimard, Folio Bilingue. (In French.)
- [12] Dostoïevski, F. (2014). *Notes d’un souterrain*. Trad. L. Denis. Paris: Flammarion, 2014. 1992 (première édition, Paris, Aubier, 1972). (In French.)
- [13] Dostoïevski, F. (2017). *Les Carnets du sous-sol*. Trad. A. Markowicz. Arles, Actes Sud, 2017. (première édition 1992). (In French.)
- [14] Dostoevsky, F.M. (2016). *Complete works and letters: in 35 vols*. (Vol. 5). Saint-Petersburg: Nauka Publ.

- [15] Rousseau, J.-J. (1782). *Les Confessions. Première Partie*. Genève.
- [16] Krinitsyn, A.B. (2001). *The confession of the Underground Man. On the anthropology of F.M. Dostoevsky*. Moscow: Maks Press. (In Russ.)
- [17] Fourier, Ch. (2017). *The theory of four movements and common fates*. Moscow: Tsiolkovsky Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Гальцова Елена Дмитриевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научной лабораторией Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; e-mail: newlen2006@mail.ru

Bio note:

Elena D. Galtsova, Doctor of Philology, Director of Research and Head of Laboratory, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; e-mail: newlen2006@mail.ru